

Тем же вечером, когда Чжао Цы уже собирался ложиться спать, он получил от Пэй Минцзина два скриншота с QR-кодами. Это были входные билеты на художественную выставку, которую на этой неделе проводила в Наньчэне организация Гочао Искусство.

Чжао Цы присматривался к этой выставке ещё на прошлой неделе, но билеты раскупили слишком быстро. Он даже подумывал попросить свою старшую сестру Чжао Цзя обратиться к зятю, чтобы тот помог достать пару пригласительных. Тот самый зять, который однажды заглядывал к ним на праздник Весны, в свои девятнадцать лет уже состоял в крупнейшей ассоциации китайской живописи, курировавшей эту выставку. Однако из-за навалившейся суеты Чжао Цы совсем об этом забыл.

Чжао Цы отправил голосовое сообщение, не скрывая удивления:

— Брат Минцзин, как тебе удалось их достать?

Больше всего его поражало то, что он даже не обмолвился при Минцзине об этой выставке.

Пэй Минцзин ответил коротко:

— Попросил друзей.

Чжао Цы решил, что брат Минцзин, должно быть, чувствует себя неловко из-за того, что довёл его сегодня до слез. На душе у парня стало одновременно тепло и совестно, хотя он прекрасно понимал, что причина их размолвки крылась в нём самом. К счастью, завтра днем не нужно было следовать сюжету: в книге он после сегодняшней стычки с Минцзином не осмелился бы снова пытаться его соблазнить.

Вспомнив события дня, Чжао Цы до сих пор чувствовал легкий трепет. Обняв одеяло, он начал печатать:

— Спасибо, брат Минцзин! [Поцелуйчик]

Затем добавил:

— А... а ты не мог бы составить мне компанию послезавтра?

Пэй Минцзин ответил:

— М-м.

— Хорошо.

Чжао Цы просиял:

— Брат Минцзин, ты такой замечательный! [Поцелуйчик] Ну, я спать.

— Спи. Доброй ночи.

Поколебавшись секунду, Пэй Минцзин прислал еще одно сообщение:

— [Поцелуйчик]

Чжао Цы расплылся в счастливой улыбке и с легким сердцем отложил телефон.

На следующее утро Чжао Цы был уверен, что после того, как его тайные помыслы под предлогом уроков английского были разоблачены, Пэй Минцзин больше не станет с ним заниматься. Он и сам не придавал этому значения, но, как назло, рано утром Минцзин заявился к нему домой. Сказал, что во второй половине дня занят, поэтому урок проведет сейчас.

Для Чжао Цы это была ужасная новость, он тут же поник.

Мать Чжао Цы, Вэй Синьлань, с трудом сдерживая улыбку, спросила гостя:

— Минцзин, ты завтракал?

Пэй Минцзин покачал головой и, чувствуя себя как дома, сел рядом с Чжао Цы. Заметив капельку молока в уголке рта парня, он взял салфетку и бережно стер её.

Чжао Цы мягко улыбнулся ему:

— Спасибо, брат Минцзин.

Вэй Синьлань, наблюдая за этой сценой, вдруг решила пошутить:

— Минцзин, может, забереешь нашего Сяо Цы себе в жены?

Воздух в комнате словно застыл. Чжао Цы испуганно взглянул на Пэй Минцзина, боясь, что тот решит, будто это он подговорил мать сказать такое, и поспешно выпалил:

— Мам, что ты такое говоришь! Мы же оба парни.

Пэй Минцзин едва заметно нахмурился, но промолчал.

— Шучу, шучу, — рассмеялась Вэй Синьлань. — Давайте завтракать, завтракать.

Она продолжала улыбаться, но внутри тяжело вздохнула. С тех пор как старшая сестра привезла Пэй Минцзина в Наньчэн, она видела, с какой нежностью и заботой этот всегда сдержанный племянник относится к её сыну. Учитывая особенности здоровья её мальчика, вряд ли его ждет обычная семейная жизнь. Если бы нашелся мужчина, готовый искренне полюбить его и быть рядом, она, как мать, могла бы обрести покой.

Чтобы разрядить обстановку, Вэй Синьлань спросила:

— Старшая сестра еще не вернулась из командировки?

— Нет.

После завтрака Вэй Синьлань попросила домработницу нарезать фруктов и отнести в спальню, а затем, подхватив сумочку, перед уходом подбодрила сына:

— Сяо Цы, старайся на занятиях!

Чжао Цы поднялся вслед за Минцзином наверх и принялся оправдываться:

— Брат Минцзин, я не просил маму говорить те слова.

— Я не так понял, — ответил Пэй Минцзин. Он и сам видел, что это не так.

Чжао Цы облегченно выдохнул, но тут же вспомнил, что впереди три часа английского.

— Брат Минцзин, я не хочу учиться, — уныло протянул он.

Пэй Минцзин взглянул на него и покачал головой:

— Сяо Цы, с твоим нынешним уровнем ты думаешь, что сдашь университетский экзамен?

— ...Не сдам, — Чжао Цы скривился, но три часа зубрежки все равно казались пыткой. Он попытался договориться: — А... а может, сократим время? Час и десять минут.

Пэй Минцзин проигнорировал его просьбу и молча прошел в спальню, явно не собираясь уступать.

— Брат Минцзин! — протянул Чжао Цы.

Поняв, что уговоры не работают, он просто распластался на кровати и, капризно растягивая слова, произнес:

— Брат Минцзин, ну давай хотя бы полтора часа.

Вид у него был такой, будто он не сдвинется с места, пока тот не согласится.

Пэй Минцзин вздохнул:

— Ты для себя учишься или для меня?

— Полтора часа, всего полтора часа! — Чжао Цы начал дрыгать ногами, как беспомощный птенец, протестуя против несправедливости.

На нем были пижамные штаны, которые сестра Чжао Цзя купила ему в прошлом году. У Чжао Цы было много одежды, но вещи от сестры он любил больше всего. В прошлом году штаны сидели идеально, но сейчас, когда он подрос, они едва доходили до середины бедра. Штаны были довольно широкими, и когда Чжао Цы начал вертеться, его ноги почти полностью обнажились.

Пэй Минцзин раньше никогда не обращал на это внимания, но сегодня вдруг заметил, что ноги Чжао Цы, как и его прекрасное лицо, были безупречны. На них не было лишних волос, как у большинства мужчин, они были белоснежными и стройными, в меру худыми, но с едва заметной мягкостью — особенно там, где на внутренней стороне бедра при каждом движении подрагивала нежная кожа.

Если бы не верхняя часть тела, можно было бы подумать, что это ноги девушки.

<http://bllate.org/book/19895/1958658>